

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение.

Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69

Грандиозной красоты завод

У меня было предощущение того, что Николай Васильевич сострадает тому в области важного, но гибельного труда, который я выхватывал из жизни родного металлургического комбината. В прошлом году приезжал погостить у меня мой владимирский друг (учились вместе в Литературном институте, спали в общежитии к теменю), прекрасный прозаик, коему не верилось, что действительно в нашей земле есть невыносимой, прямо-таки изуверской каторжности, но и грандиозной красоты завод. Я сводил Сергея Никитина на домны, мартены, на коксовые печи, на центральную электростанцию, чем не только убедил, что пишу честно, но и, не допуская того, ввернул Сергея чуть ли не в психическое потрясение, которое он не развлек за неделю удачливой рыбалки на Банном озере и питья хмельного кумыса, привозимого из гор, со студенческих ключевых речек.

Я не сравнивал, конечно, опыт впечатлений Сергея Константиновича Никитина с опытом Лаптева, однако, не представлял себе кровной близости Николая Васильевича к металлургии, да ошибся. Он сам заговорил об этом. Его дед был вальцовщиком: катал стальную ленту. Из этой ленты он сплел лапотки, чем и обеспечил свое участие в Парижской выставке периода царской России. Я не догадался спросить у Николая Васильевича, не отсюда ли возникла его фамилия. Прокатным искусством деда он не уставал гордиться: трижды я с ним встречался и трижды он патетически вспоминал про деда и про лапотки его плетения, вызвавшие фурор на выставке в Париже. Но он гордился и тем, что прошел все ступени металлургического производства: от подручного сталевара до директора завода. Всем этим в нашу первую встречу он подводил к двум умозаключениям. Постигнувший рабочий класс изнутри, он, читая книгу моих рассказов, убедился в ее истинной правдивости и потому предупреждает: моя писательская дорога не сулит безтревожности. Будут нападки, разносы, подмена надежд и иллюзий коммунистических, от сознательного самопожертвования. Он повторил, если я сохраню нынешнее стремление к справедливости, то мне уготованы страдания, но отступаться от истинного пути я не должен.

Благодарен Лаптеву за честность

Неожиданным промедлением: захлопнул энциклопедию, положил сверху сборник «Весенней порой», – он непроизвольно подготовил меня к самому значительному своему высказыванию:

С Магнитогорском Александра Фадеева связывала работа над романом о черной металлургии

– Если бы вы перевернулись на вопрос Соломенцева о похвалах Дудинцеву, у вас могла быть другая судьба.

Нет, не хвастовством это было с моей стороны и не победным задором, а клятвенным убеждением:

– Не был перевертышем и никогда не буду, – так я закруглил наш разговор, благодарный Лаптеву за честность.

Раньше я слышал от челябинских писателей, что Лаптев ни к кому из них не испытывает благоволения и никогда их не принимает, из-за того и премного удивился, когда он подал мне карточку со своими телефонами и сказал:

– Звоните. В любой день вас тотчас соединят со мной. Секретаря и помощника предупрежу.

С трибуны двадцатого съезда КПСС Николай Васильевич Лаптев высказал писателям приглашение приезжать в Челябинскую область для изучения современной жизни. Никита Сергеевич Хрущев, не безразличный к литературе, как большинство русских людей, провел с ним подробный диалог о том, будут ли там писателям, кто отзовется на приглашение, созданы необходимые условия. Первым отозвался Александр Александрович Фадеев, тогда генеральный секретарь Союза писателей СССР, вторым, чуть позже, – Эммануил Генрихович Казакевич, притягательный для читателей, государственно признанный прозаик, приехавший в Магнитогорск своего рода приемником Фадеева после его самоубийства в Переделкине. С Фадеевым не удалось мне встречаться на Магнитке, а с Казакевичем я

сдружился в родном городе и лично убедился в том, что Лаптев неукоснительно держит свое слово, вот почему я уверовал в благородство его обещания.

Чемпион политических курбетов, лишенный при грузности своей долговременной страховки, и лихой экономический наездник, в пору собственной цирковой вольтижировки допускавший и ловкие финты, и неслыханные для себя шмакания, Никита Хрущев провел пересмотр рабочих разрядов и расценки на продукцию, что определялось малодоступным населению термином «перетарификация», однако хитромырдя его замутила да знать о себе – ничем не мотивированной потерей заработка, в том числе у тружеников металлургического комбината надрывно горячих цехов. Близко по времени осуществлялась денежная реформа: один рубль к десяти, а также повышены цены на мясо, масло, молочные продукты и спиртное. Упал не только жизненный уровень, и без того для множества рабочих нутный – от зарплаты до зарплаты да с прихвачиванием займы, – но и нанесен удар по исконно-традиционным семьям, где матери униженно назывались домохозяйками, а по существу были универсальными держательницами семей: от воспитания семей до соблюдения четко спланированного бюджета.

Обвальным накатом нужды

К тому периоду появились при райисполкомах бюджетчицы с их оплачиваемыми общественницами. И внезапно – обвальным накатом нужды, выбрасывающий свободных

матерей на рынок труда, детей ввергнувший в безнадзорность, а мужчин-кормильцев лишивший предсменной и послесменной заботы о них. Оттуда началась трагическая убыль рождаемости и представленность детей до школы, если они не попадали в ясли и садики, самим себе, а в школьные годы – внеклассная подчиненность подъездно-дворово-уличному распаданному «воспитанию». Душиловка, устроенная Никитой советскому народу речами через газеты, радио, телевидение, кинохронику, потянула за собой вспышки социального недовольства. Отдельные лица, бригады, цеха, предприятия не выдерживали надругательства и стали протестовать. В основном применяли итальянские забастовки. Самая упорная, по слухам, была итальянская забастовка на комбинате в цехе эмалированной посуды, попросту – в эмаличашке. Руководила забастовкой молодая женщина. Там создавали посуду необыкновенной красоты, имевшую неслыханный успех у покупателей страны. Условия труда изнурительные, в кислотной среде. Оплата и без того давалась не по затратам здоровья и достоинству, а тут еще снижение расценок на продукцию, потеря от обмена денег, повышение цен на основные продукты питания. Зашевелились справедливцы и на других объектах передела: на мартене, на прокате, в основном механическом цехе... Чтобы по частям их не уняли или не сокрушили, рабочие выделяли

Кстати, санаторий принадлежал комбинату, и здесь успешно лечились металлурги, в особенности те, кто страдал легочными и костными заболеваниями. Многощедрым до безумия и подлости Никита Хрущев подарил санаторий Башкирии.

Чего-чего, а возврата к следствию и с той же идеей, и с тем же подполковником-грузином, заместителем председателя челябинского КГБ, возглавлявшим группу, – я не ожидал. Было бюро секретариата обкома партии, отвергнувшее измышления, направляемые Александром Шмаковым и Марком Гроссманом, и вдруг откат. Нет-нет, они не успокаивались. Мести чуждались люди, которых я наблюдал во многих краях нашей страны. Те, кто гнездили месть в своих душах, как стервятники алчность к кровавому жору, были болезненным исключением, точно прокаженные. Когда Лаптев уехал в отпуск, они воспользовались постановлением ЦК партии: закрывать нерентабельные альманахи, и настроили обком не издавать альманах «Уральская Новь» – я придумал название, – хотя выпущенные два номера быстро разошлись. Воспользовались они и очень убойной политической ситуацией. Никита Хрущев открыл в Президиуме ЦК антипартийную группу, поименованную раскольниками: Георгия Маленкова, Вячеслава Молотова, Лазаря Кагановича и примкнувшего к ним Дмитрия Шепилова, главного редактора «Правды». Над форму-

С трибуны двадцатого съезда КПСС Николай Лаптев высказал писателям приглашение приезжать в Челябинскую область

лировкой «и примкнувший к ним Шепилов» оборжалось чуткое к маразму население Советского Союза, а в дальнейшем сформулировка сделалась метафорой каверзной идеологической абракадабры. Изуверская тупоголовость и политика правящих партий в двадцатом веке почти постоянно впадали в безнравственность. Горком КПСС Магнитки не сумел выявить среди себя антипартийную группу, похоже, по малочисленности и недостатку воображения, потому и выхватил раскольника не извне и не кого-нибудь, а меня. Накануне открытия в Президиуме ЦК, совершенно Никитой Хрущевым и его соратниками, а больше, быть может, таящимися противниками, я выступил на собрании художественной интеллигенции. Власть Магнитки приглашала выпускников институтов имени И. Е. Репина и В. И. Сурикова, но к бытовым их условиям неосторожно относились: живописец Евгений Троицкий, занимаясь росписями, упал с лесов из-за голодного обморока, скульптор Эльфа Горанько спала в ящике с глиной в крохотной мастерской и тоже голодала, плохо обеспеченная заказами... Зависимость литераторов от газеты «Магнитогорский рабочий» в публикациях, от помещения для проведения собраний была нередко униженной, и я настаивал, выступая, чтобы руководители города сделали надлежащее предписание, облегчающее наши судьбы.

Продолжение следует.

> Литература – дело глубоко ответственное и не требует кокетства дарованиями. Максим ГОРЬКИЙ